

18+

Сергей Ковальчук

Лицензия на грабеж

Детектив

Сергей Ковальчук

Лицензия на грабеж

«Автор»

2017

Ковальчук С. В.

Лицензия на грабеж / С. В. Ковальчук — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-11118-9

Защищая предпринимателя, адвокат Кравчук, понимает, что им противостоит преступная группировка из правоохранителей. Это дело одно из сотен, возбуждение которых поставлено на поток. Цель ОПГ – завладение деньгами бизнесменов. Когда Кравчук «раскапывает» схему и обличает в суде, Ставинского убивают прямо у суда. На протяжении романа сыщик пытается установить личность убийцы. Он даже не подозревает, что тот рядом, ведь, как говорят французы: «предают только свои».

ISBN 978-5-532-11118-9

© Ковальчук С. В., 2017

© Автор, 2017

Глава первая

25 января 2010 года, понедельник.

И что за утро сегодня дурацкое? День не задался с самого начала. Он уже успел сильно поссориться с женой. И, главное, вроде бы на ровном месте. А теперь опаздывал на заседание суда, которое было назначено на десять часов. Посмотрев на часы, Валерий Ставинский занервничал еще больше, двадцать минут одиннадцатого. Новый судья, который вел это дело с начала декабря, очень не любил, когда на судебные заседания кто-то опаздывал, а уж тем более подсудимый, которым являлся Валерий. Он злился, не стесняясь, давил на клаксон, когда очередная «обезьяна с гранатой» никак не могла перестроиться или кто-то «самый умный» пытался вдруг влезть в поток впереди него, но проклятые пробки как всегда парализовали движение.

Наконец, он выбрался из плотного автомобильного потока и, проехав дворами, оказался на улице Зои и Александра Космодемьянских. Удивительно, но здесь пробок не было в помине, и уже через пять минут Ставинский парковал свой ярко-зеленый «Ниссан Патфайндер» на проезжей части у бордюра, метрах в ста от здания Головинского районного суда. Ближе припарковаться было попросту невозможно. До него это сделали те, кто приехал раньше. Ставинский спешно вышел из автомобиля, поставил его на сигнализацию и быстрым пружинящим шагом отправился к суду. Метров пятьдесят ему предстояло пройти параллельно дороге, после чего он должен был свернуть направо, и, обогнув угол здания, в котором располагался какой-то театр, оказаться напротив входа в суд.

В это время из припаркованной впереди белой «приоры» вылез мужчина в зеленой куртке «аляске» с надвинутым на голову капюшоном, в джинсах и черных матерчатых перчатках, и неторопливым шагом направился навстречу Валерию.

Ставинскому показалось, что незнакомец огляделся, сделав это так, чтобы не заметили окружающие. Впрочем, никого, кто бы находился поблизости, Валерий не увидел. Взгляд у мужчины внимательный, сосредоточенный, какой-то напряженный, но Валерию не до него, он очень спешит. Пять минут назад ему позвонил адвокат и сказал, что все уже собрались и ждут только его. К тому же, Василий Кравчук, его защитник, сообщил, что у него для Валерия есть прекрасные новости, и его дело, которое длилось уже полтора года, сегодня может быть завершено. И, вполне возможно, триумфально для них...

Когда до незнакомца оставалось несколько метров, тот спокойно, без суеты, достал из кармана куртки пистолет и направил его на Валерия. Ставинский не успел ничего сообразить и даже замедлить шаг, когда прозвучало три выстрела, словно слившихся в один. Все три пули угодили Валерию в сердце.

Убедившись, что его «клиент» больше не жилец, стрелок хладнокровно скинул пистолет и, развернувшись, прикрывая лицо капюшоном, быстрым шагом вернулся к своей машине. Двигатель он не заглушал, и, поэтому, «приора» практически мгновенно, но не резко, так, чтобы не привлекать внимания, вырулила на дорогу и двинулась по направлению к станции метро «Войковская».

***

Чудеса, да и только. Едва я поднялся на лифте на пятый этаж Головинского районного суда, как ко мне тут же подошла прокурорша, поддерживавшая государственное обвинение по делу Ставинского первый раз. Мне даже показалось, что она караулила меня около лифта, но, подумав, я решил, что это мои личные фантазии. Просто так совпало. Видимо, она шла по коридору и случайно заметила, как я выхожу из лифта.

– Василий Ильич, – стараясь быть как можно приветливее, растянула в улыбке полные губы женщина, – пойдёмте со мной, мне нужно с вами поговорить.

Две большие звезды у нее на погонах. Советник юстиции, то есть подполковник по военному, заместитель межрайонного прокурора. Не старая еще, лет пятидесяти, среднего роста, полноватая. Темные волосы собраны в пучок и заколоты на затылке, лицо круглое, под большими зеленоватыми глазами небольшие мешки. Улыбка приятная и вроде бы искренняя, но глаза смотрят внимательно, настороженно.

Я был заинтригован, хотя, о чем со мной хотела поговорить эта женщина, в общем-то, догадывался. Видимо по делу Ставинского, потому что иных дел в этом суде я просто не вел. Но почему именно она? Ведь формально к этому делу советник юстиции Багрянцова отношения уже не имела. В качестве государственного обвинителя в деле участвовала ее более молодая коллега – смазливая блондинка лет двадцати пяти с длинными крашеными ногтями.

– Пойдемте, – пожав плечами, согласился я, покорно последовав за работницей прокуратуры к ее кабинету.

– Может быть, чай или кофе, – осведомилась та, когда мы вошли и сели за единственный в этом кабинете старый массивный стол, стоящий у левой стены. Кроме него, вешалки для одежды и еще нескольких стульев, в этом кабинете больше не было ровным счетом ничего, в том числе чайника и чайных приборов. Обстановка спартанская. У меня закралось сомнение, что это кабинет заместителя прокурора Багрянцовой. Скорее всего, это был просто пустующий кабинет, куда она меня пригласила, не желая, чтобы при нашем разговоре присутствовал кто-либо еще.

Интересно, что она будет делать, если я приму ее предложение? Неужели пойдет готовить мне кофе в свой кабинет? Похоже, она поняла свою оплошность, но я пользоваться ею не собирался.

– Спасибо, не надо, – поблагодарил я ее. – Я к вашим услугам.

– Василий Ильич, тут такое дело, – внимательно посмотрела мне в глаза собеседница, сложив кисти рук на столе в замок. – Прокурор округа просит вас согласиться с нашим ходатайством о возвращении дела Ставинского на дополнительное расследование. Надеюсь, вы не против? – И, не давая мне ответить, поспешно добавила, – естественно, дело будет прекращено и в суд оно больше не вернется.

Я был удивлен, хотя и ожидал услышать нечто подобное. Почти четыре месяца назад обвинительный приговор по уголовному делу в отношении моего подзащитного, Ставинского Валерия Юрьевича, Московским городским судом был отменен, а дело направлено в Головинский суд на новое рассмотрение. За те шесть судебных заседаний, которые состоялись до сегодняшнего дня, я подал судье Албанцеву шесть ходатайств о прекращении этого дела. И всякий раз ходатайства им отклонялись. Хотя на последнем судебном заседании, как мне показалось, у судьи все же появились некие проблески осознания того, что дело это не только шито белыми нитками, но и грозит обернуться поистине грандиозным скандалом. Естественно, если Ставинский, благодаря вынесенному Албанцевым приговору превратится из подсудимого в осужденного, а то, о чем до судьи пытался донести в своих ходатайствах адвокат, вдруг окажется правдой.

Что же такого случилось за эти несколько дней, прошедших со дня последнего судебного заседания? Ведь раньше государственное обвинение категорически возражало против любых моих доводов, не желая даже вчитываться в подаваемые мною ходатайства. Видимо, что-то произошло.

– Я-то против не буду, – жестко посмотрел я на нее, – а вот мой подзащитный, – я задумался, – ... не знаю, не знаю. Валера – человек принципиальный и, насколько мне известно, никакой иной исход дела, кроме оправдания, его не устроит. К тому же, – я многозначительно посмотрел на собеседницу, – данное ходатайство с процессуальной точки зрения не совсем законно. Вам так не кажется?

– Наверное, вы правы, – вздохнула представительница закона, опустив глаза, – но я слышала, что раньше вы работали в нашей системе, а раз так, то должны меня понимать. – Она нервно заерзала на стуле. – Оправдательный приговор для нас – это катастрофа. А все к тому идет, – не стала она скрывать, – я буду с вами предельно откровенна. Прокурор округа просит вас не доводить дела до такого финала, а согласиться на прекращение дела на следствии. То, что оно будет прекращено, я вам обещаю. Ну, а мы в свою очередь...

– Не останетесь должниками? – продолжил за нее я.

– Это точно, – обрадовалась женщина.

– А где гарантии, что нас не обманут? – деловито уточнил я.

– Василий Ильич, – покачала головой Багрянцова, – я же вам сказала, что гарантии даю вам я!

– Ну, а что, если завтра вас уволят? – без обиняков спросил ее я. – Или снимут прокурора округа, на смену которому придет другой, и вы сразу же забудете о своих обещаниях?

Собеседница, имени и отчества которой я не знал, а спрашивать не собирался, открыла рот, чтобы выдать очередную порцию заверений, но в этот момент у меня зазвонил телефон и, извинившись, я ответил на звонок.

– Василий Ильич? – уточнил знакомый мужской голос.

– Он самый, – подтвердил я.

– Это следователь Шестаков по делу Ставинского, – взволнованно представился мой собеседник. – Василий Ильич, мое руководство поручило мне просить вас согласиться с ходатайством прокуратуры о возвращении этого дела нам. А я вам обещаю, что в течение этой недели оно будет мною прекращено.

– По какому основанию, – вяло уточнил я, понимая, что противостоять напору стороны обвинения нам с Валерием будет непросто.

– Как вы и хотели, – угодливо проблеял следак, – за отсутствием в деянии состава преступления.

– Обещать я вам ничего не могу, – потерев пальцами глаза, ответил я, – но уговорить Валерия Юрьевича постараюсь. Нам чужой «крови» не нужно, только бы вы от него отстали.

– Вот и здорово, – обрадовался незадачливый сыщик, – ну так что, я могу доложить...

– перезвоните мне через час, – прервал я его, – постараюсь его уговорить. – Не дожидаясь окончания разговора, я нажал на кнопку отбоя и в этот самый миг экран айфона снова засветился, застрекотав новым звонком.

– Да, – не глядя на экран, бросил я в динамик.

– Вась, – услышал я голос Евгении, секретарши своего бывшего шефа, Бориса Ивановича Степанцова. – Ты чего там натворил, в Головинском суде, что шефу сейчас звонил целый начальник УВД Северного округа?

– Пока ничего, – не скрывая своего удовлетворения, усмехнулся я. – А что, надо?

– Ты лучше так не шути, – обеспокоенно ответила Женя. – Шеф сейчас в Адвокатской Палате. Он ничего не понял, но попросил меня передать тебе, чтобы ты лучше уезжал оттуда поскорее. И еще: он просил тебя не устраивать никаких пресс-конференций...

– Понял, – устало отмахнулся я, отключая телефон.

«Еще ничего не случилось, а уже пошла волна», – недовольно подумал я, возвращаясь к разговору с прокуроршей.

Я поднялся со своего места.

– Хорошо, думаю, что мне удастся его уговорить, – сказал я ей напоследок, выходя из кабинета.

Едва оказавшись в коридоре, я набрал номер Ставинского:

– Валера, – спросил я, едва тот взял трубку, – вы скоро? Нас тут уже все ждут.

– Да сейчас, встрял в пробки, сейчас буду – раздраженно ответил мой собеседник.

– Ладно, – примирительно улыбнулся я в трубку. – У меня есть для вас хорошие новости. Возможно, сегодня для вас все кончится, и кончится в нашу пользу.

– Ваши слова да Богу бы в уши, – обрадовался Валерий. – Я буду уже скоро.

Он не знал, что эти слова станут последними в его жизни.

***

Заходить в зал судебных заседаний мне не хотелось, хотя помощник судьи его уже открыл. В зале находилась молодая прокурорша и одна из представительниц потерпевших – старший юрист Европейского юридического бюро, Ирина Игольникова.

Судья меня к себе не приглашал и я понял, что тот лишний раз не хотел разговаривать с адвокатом, а поручил эту миссию опытной в таких делах представительнице прокуратуры.

Что же такое произошло, что дело приняло такой оборот? Два раза из кабинета судьи выходил его помощник, высокий молодой парень с густыми черными волосами и симпатичным добродушным лицом. Помощник, поглядывая на часы, с нетерпением интересовался, скоро ли будет мой подзащитный. Но я лишь пожимал плечами, уверяя, что Ставинский должен быть с минуты на минуту.

Примерно в половине одиннадцатого на этаже началось какое-то непонятное движение. Сначала в кабинет судьи со взволнованными лицами прошли судебный пристав вместе с двумя прокурорскими, в одной из которых, я узнал свою недавнюю собеседницу. А через какое-то время среди ожидавших судебного разбирательства граждан пронесся слух, что на улице перед зданием суда только что кого-то убили.

Нехорошее предчувствие закралось в душу. Я встал со своего места, которое тут же было занято стоявшим до этого у стены пузатым мужчиной средних лет, и набрал номер Ставинского. Длинные гудки. Телефон не брали. Это беспокоило еще больше, и я продолжал упорно набирать, пока не услышал незнакомый мужской голос:

– Слушаю вас, говорите.

– Простите, а с кем я говорю, – поинтересовался я.

– Это неважно, – ответил невидимый собеседник, – если вы звоните Валерию Юрьевичу Ставинскому, то он мертв.

– Как это случилось? – с волнением уточнил я, чувствуя, как в груди образуется твердый холодный ком.

– А вы собственно кто? – бесцеремонно спросил незнакомец.

– Я его адвокат, Кравчук Василий Ильич.

– А, адвокат, – в трубке на непродолжительное время повисло молчание, – а вы, адвокат, случайно не в суде сейчас? – уточнил, наконец, собеседник.

– В суде.

– Головинском?

– Ну да.

– Тогда можете спуститься вниз, сами все увидите.

В трубке послышались короткие гудки.

Верхнюю одежду я в гардероб не сдавал, поэтому, быстро спустившись по лестнице вниз, я почти выбежал из здания суда. Завернув за угол, метрах в тридцати от себя я увидел лежавшего на тротуаре молодого мужчину в дубленке и джинсах, без труда узнав в нем своего подзащитного. Валерий лежал на спине. Он был мертв. В его дубленке на уровне груди виднелась одна большая дыра. Оцепление еще организовать не успели, поэтому пришедшие мимо и выходившие из суда зеваки толпились по обеим сторонам улицы. Рядом с трупом стояло чело-
век пять судебных приставов, охранявших здание суда, и двое сотрудников милиции. Один из них разговаривал по мобильному телефону, видимо, докладывая о случившемся своему

начальству, а второй при помощи приставов пытался организовать охрану места происшествия и выяснить, кто из присутствующих людей мог быть очевидцем преступления.

Я подошел к этому второму сотруднику в звании сержанта.

– Здравствуйте, я адвокат Кравчук, защитник погибшего. Я только что разговаривал по телефону либо с вами, либо с вашим напарником...

– Наверное, с напарником, – давая понять, что он сильно занят, мельком глянул на меня сержант. – Что вы хотели?

– Я хотел узнать, как это произошло?

– Да тут толком никто ничего не видел, – ответил служитель закона. – Вы извините, но сейчас, честно говоря, не до вас.

В это время к месту происшествия подъехала машина «Скорой помощи» и милицейский Уазик, и мой собеседник с озабоченным видом двинулся в сторону машин.

Вспомнив, что был когда-то следователем, я решил сам, насколько это возможно, осмотреть место происшествия и опросить возможных очевидцев случившегося. Оружия, из которого был убит Валерий, видно не было, стреляных гильз тоже. Либо их уже обнаружили, что вряд ли, потому, что изымать орудия преступления мог только следователь, либо пистолет, или то, из чего еще мог стрелять преступник, лежит сейчас где-нибудь в снегу. Возможно, оружие киллер забрал с собой, что, впрочем, крайне маловероятно. Я осмотрелся. Рядом с местом, где лежал погибший, проходила достаточно широкая – в шесть полос, если считать трамвайные пути, проезжая часть. У бордюра были хаотично припаркованы автомобили. Часть из них стояла параллельно дороге. А кто-то даже умудрился поставить машину, почти перпендикулярно, заехав передними колесами на тротуар.

Расспросы очевидцев, если так можно было назвать любопытствующих людей, большинство из которых, точно так же, как и я, появились здесь гораздо позже, чем отгремели выстрелы, ничего не дали. Из них я уяснил только то, что Валерий был убит неизвестным из пистолета почти в упор. Больше ничего узнать удалось. От моего внимания не укрылось то, что напротив места убийства, на фасаде здания театра, над входом в него, находилась видеочкамера.

С каждой минутой людей становилось все больше. Место тут достаточно многолюдное. Суд, вернее даже два суда, находившихся в одном здании – Головинский и Коптевский, театр, две остановки общественного транспорта, располагавшиеся метрах в пятидесяти от места, где лежал Ставинский, напротив друг друга...

Вот, наконец, место убийства было огорожено сигнальными лентами, появилось что-то типа оцепления. Показалось несколько человек в синей прокурорской форме, туда-сюда сновали люди в штатском, видимо, местные опера. Работа закипела.

Я не поленился подойти к каждой из машин, припаркованных неподалеку, и переписать их номера. На видеорегистраторах, которыми были оснащены эти машины, могла остаться полезная следствию информация. И хотя я не сомневался в компетентности работавших тут специалистов, все же решил перестраховаться. К тому же, эта информация могла помочь и мне самому выйти на возможного исполнителя. А в том, что существует и заказчик этого преступления я нисколько не сомневался.

Переписав все марки и номера машин, я двинулся к своему автомобилю, подумав, что обязательно нужно будет потом осмотреть и свой собственный видеорегистратор. Открыв машину, я снял пальто, стянул с шеи шарф и небрежно бросил их на заднее сиденье. Туда же поставил портфель. Обычно очень аккуратный, я не стал заморачиваться тем, чтобы повесить пальто на лежащую тут же вешалку. На меня вдруг накатила какая-то апатия, в голову стали лезть философские мысли. Еще будучи следователем, я не раз замечал, что после таких вот происшествий со смертельным исходом, начинаешь задумываться о бренности бытия, и о том, какая же все-таки хрупкая это штука – человеческая жизнь.

Я задумался. Нужно сообщить о случившемся родственникам Валерия. Мне было известно, что у Ставинского есть беременная жена и сестра, которая одновременно являлась компаньоном Валерия по бизнесу, будучи соучредителем одной с ним компании, где ее брат занимал должность генерального директора. Родители Валеры жили где-то в Прибалтике, но где именно, я не знал. Из родственников погибшего я хорошо знал, пожалуй, лишь его родную сестру, Нину, которую несколько раз допрашивали в ходе следствия и в суде. Ее номер на всякий случай был записан у меня в телефоне. Я сел за руль, хотя ехать никуда не собирался. Задумался. Нужно сообщить о смерти брата Нине. Но делать это мне совсем не хотелось. Я понимал, сколько горя доставлю своим звонком близким Валерия, но в то же время не мог об этом и не сообщить. Решившись, я достал телефон и уже набрал номер Нины, когда аппарат вдруг сам застрекотал у меня в руках, извещая в поступившем звонке. Посмотрев на экран, на котором отобразилось – «Нина Ставинская», я сразу же ответил:

– Да, Нина, слушаю вас.

В динамике послышались всхлипывания, грозящие вот-вот перерасти в рыдания.

– Василий, – почти крича, спросила сестра Ставинского, – это правда? Это правда, что Валеру убили? Мне позвонил какой-то молодой человек и сообщил, что его расстреляли прямо около суда!

– Да, правда, – горестно вздохнул я.

– Как это случилось. – Она была близка к панике. – Расскажите, как это произошло?

– Когда Валера вылез из машины и направился в сторону суда, к нему подошел неизвестный мужчина, и произвел в него три выстрела из пистолета, – озвучил я версию очевидцев, с которыми удалось поговорить.

– А где в это время были вы, – уже не сдерживая плача, осведомилась сестра убитого.

– В суде, – терпеливо ответил я.

Я думал, что мне еще долго придется отвечать на вопросы собеседницы, но она вдруг перестала рыдать и твердым голосом попросила:

– Василий, у меня к вам большая просьба, вы пока оттуда не уезжайте, я сейчас подъеду. Хорошо? – хлюпнула она носом.

– Хорошо, – вздохнул я. – Обязательно вас дождусь. А вы далеко?

– Нет, я почти рядом. Буду минут через двадцать, – сказала она, и отключилась, а я бросил айфон на пассажирское сиденье рядом с собой, и, тяжело откинувшись на спинку сиденья, погрузился в воспоминания.

Глава вторая

4 сентября 2008 года, пятница.

На часах почти семь часов вечера. Сегодня я вернулся из Зюзинского районного суда Москвы после обеда, поэтому жертвой диких московских пробок не стал.

В коллегии адвокатов, где я работал, был праздник – день рождения одного из сотрудников. Несмотря на то, что подобные посиделки я не любил, потому, что, как правило, они перерастали в последующий поход в ресторан, со всеми вытекающими оттуда последствиями, отказываться от празднования я все же не стал.

Праздничный стол был накрыт, горячительные напитки разлиты, первый тост произнесен, и в этот момент у меня проснулся мобильный телефон.

Извинившись, я вышел на улицу, на крыльцо перед подъездом, где на первом этаже располагалась наша коллегия.

Звонил мой давний знакомый, адвокат Микаэл Адамов.

– Здорово, Василий! – как всегда жизнерадостно поздоровался со мною друг.

– Здравейте, – в тон ему, шутливо отозвался я. Настроение у меня было прекрасное, тем более, что впереди отличный вечер.

– Скажи мне, друг мой, как у тебя сейчас с занятостью, – не теряя времени на посторонние темы, сразу уточнил Микаэл.

– Сегодня занят, – немного напрягшись, слукавил я. Срываться с места и нестись куда-нибудь на защиту только что задержанного клиента, которого мне предложит Микаэл, совсем не хотелось. – Я уже в изрядном подпитии, – продолжал я врать.

– Да я не об этом, – видимо догадавшись, что работать я сегодня не в настроении, рассмеялся собеседник. – Я спрашиваю, ты вообще сейчас много дел ведешь, время свободное есть?

– Честно говоря, свободного времени особо нет, – поняв, что сегодня меня напрягать никто не собирается, облегченно выдохнул я, – веду одно дело, но очень большое. Оно занимает практически все мое время.

– Что за дело? – с интересом осведомился Микаэл.

– Дело некоего Минка, – с неохотой ответил я. Уж очень я не любил, когда кто-то настойчиво интересовался моими делами.

– Да мне, честно говоря, все равно, – поняв мое нежелание углубляться в рассказ, произнес Адамов. – Хотел узнать, ты подзаработать не хотел?

– А что такое? – заглотив я наживку. Несмотря ни на какую занятость, плывущих мне в руки дел я все же старался не упускать.

Работа адвоката такая, сегодня густо, а завтра пусто. Сегодня откажешь человеку, занят, мол, прости, и не факт, что он к тебе еще когда-нибудь обратится. Хотя Микаэл, наверное, обратится. Потому что заинтересован он в работе со мною. И не разово, а, желательно, поставить такое сотрудничество на поток. Ведь адвокатом я был более опытным, зато у Микаэла было больше связей. Наш тандем мог быть выгодным нам обоим, потому что по складу характера я больше годился на роль специалиста, составляющего бумаги, изучающего законодательство, владеющего судебной практикой, но совершенно не умеющего «решать» вопросы с чиновниками. Адамов же наоборот, больше тяготел к такому «общению», не желая особо заморачиваться повышением своего профессионального уровня.

– Короче, – поняв, что отказывать я ему не собираюсь, перешел к сути вопроса Микаэл. – Есть такой Валера Ставинский. Это мой давний хороший знакомый. Он коммерсант, но не очень серьезный. Имеет фирму по производству рекламных конструкций. Две недели назад бэповцы его хлопнули по сто сорок шестой...

– За контрафакт что ли? – уточнил я.

– Ага, за контрафакт. Ну, он тебе сам все расскажет, при встрече.

– Он под подпиской? – допытывался я, хотя знал, что по этой статье под стражу уже не берут. Стараниями нового Президента.

– Да, под подпиской.

– И..?

– Ну что «и»? – поморщился Адамов. – И нужно помочь.

– А что он хочет? Чтобы его оправдали? – скептически спросил я.

– Ну, оправдать, его никто не оправдает, ты же понимаешь, – усмехнулся в трубку Адамов. – Но он-то об этом не знает, – засмеялся он. – Короче, я хочу, чтобы ты взял это дело, а там посмотрим. Может, что-нибудь и придумаем.

Получив мое согласие заняться этим делом, Микаэл проинструктировал меня, какой гонорар объявить клиенту за «ноги» и по результату, и отключился. А я, набрав продиктованный Микаэлом номер телефона, договорился со Ставинским о встрече назавтра, в офисе моей коллегии.

***

5 сентября 2008 года, суббота.

На часах было ровно одиннадцать часов, а я вот уже как час находился в стенах родной коллегии. Вчера спиртным я не злоупотреблял, поэтому сегодня самочувствие у меня было хорошим. Похмелья не было. Ну, почти не было. Настроение тоже было нормальным. К встрече с клиентом я был готов. Раньше уголовных дел, по которым мои подзащитные обвинялись бы в использовании контрафактного программного обеспечения, мне вести не доводилось. Спросить тоже было не у кого, все наши адвокаты сидели по домам, у них был выходной. Поэтому за час, проведенный в ожидании клиента, я успел ознакомиться не только с Пленумом Верховного суда, посвященным применению статьи о контрафакте, но и с судебной практикой по таким делам. Увы, но практика эта складывалась отнюдь не в пользу лиц, привлекаемых к ответственности по этой статье.

Поскольку вечно занятая по будним дням единственная переговорная комната сегодня пустовала, я решил встретиться со Ставинским именно там. Раньше, когда у меня было достаточно свободного времени, я любил ходить на лекции и семинары по юридической психологии, проводимые Адвокатской Палатой. Теперь же, после принятия поручения на защиту Федора Минка, его дело съедало у меня огромное количество времени и сил, и мне было уже не до психологии. Но про полученные в этой области знания я не забывал и старался применять их на практике, в общении с клиентами.

Знания эти требовали от адвоката не только безупречного внешнего вида, но и создания в общении с новым клиентом особой, доверительной обстановки.

Поэтому сегодня на мне были идеально отглаженный новый деловой костюм темно-синего цвета с отливом, точно подобранная в тон ему фирменная рубашка и дорогой галстук, прикрепленный к ней модной заколкой с позолотой. На ногах были черные лакированные ботинки.

Я бросил взгляд на зеркало с причудливыми вензелями в металлической рамке золотистого цвета, висящее слева, сразу при входе в переговорную комнату.

Почти тридцать пять мне, хотя некоторые, особенно женщины, утверждали, что выгляжу я моложе. Густые, темные волосы аккуратно зачесаны на пробор. Рост – метр восемьдесят, плечи широкие, тело мускулистое, сказывались регулярные занятия в фитнес-клубе. Черты лица правильные, взгляд открытый. Впечатление немного портил широкий, перебитый в боевой боксерской юности нос, но многие, как, впрочем, и я сам, считали, что подобные детали внешности только придают мужчинам мужественности. И за собой я старался следить. Не курил, пил в меру, и только хороший виски или коньяк. Пользовался хорошим дорогим парфюмом.

В коллегии у меня был свой кабинет, но туда я Валерия вести не собирался.

Переговорная комната, в которой я ожидал приезда Ставинского, была довольно просторной. В центре, на полу из светлого ламината, стоял большой круглый деревянный стол. Вдоль правой стены, словно солдаты в строю, выстроились шесть стульев с металлическими ножками. Я взял два из них и поставил так, чтобы ни один из собеседников не сидел спиной к выходу. Это, по утверждению психологов, вызывало у человека подсознательное желание уйти. Другой мебели здесь не наблюдалось. Окно аккуратно закрыто жалюзи. На стене висели репродукции картин Сурикова и Шишкина, между ними – настенный календарь с изображениями Богородицы и Святых. На столе было почти пусто, перед собой я положил только несколько чистых листов бумаги, ручку и ежедневник. В общем, ничего лишнего. Хотя, не забыл я и чай вскипятить, и сладости принести. Словом, все, как учили, хотя и небольшой перебор наблюдался в сторону официоза.

После звонка Ставинского, я вышел на улицу, чтобы его встретить. Валерий приехал на светло-зеленом «Ниссан Патфайндер». Это был высокий сухой, жилистый блондин лет тридцати, одетый в светлый брючный костюм, и мягкие мокасины. Короткие вьющиеся волосы, взгляд дружелюбный, лицо живое, симпатичное, рукопожатие твердое, уверенное.

Мы прошли в переговорную комнату, и я предложил гостю угощение, но Валерий отказался. Было видно, что на адвоката, рекомендованного Микаэлом, он возлагал большие надежды. Поэтому, усевшись на предложенное ему место, не теряя времени, он сразу же приступил к своему повествованию.

– Вот ксерокопии документов из уголовного дела, которые мне дал мой адвокат, Рамазан Гакаев, – начал он, пододвинув ко мне несколько страниц печатного текста. – Я подозреваю в незаконном использовании контрафактного программного обеспечения с использованием служебного положения.

– Какую должность вы занимаете? – уточнил я.

– Совладелец и генеральный директор ООО «Рекламные конструкции». Вторым совладельцем фирмы и моим заместителем является моя родная сестра, Нина.

Углубившись в чтение переданных документов, поощряя собеседника к дальнейшему рассказу, я попросил:

– Валерий, продолжайте, я вас внимательно слушаю.

– Фирма у нас небольшая, всего два десятка сотрудников, – нервно забарабанив пальцами по столу, начал Ставинский. – Находимся мы недалеко от станции метро «Войковская». Занимаемся производством рекламных конструкций. Два месяца назад в наш офис пришел оперативный сотрудник отдела по борьбе с экономическими преступлениями, Марат Мервозединов. Молодой парень, пришел один. Он передал мне уведомление, в котором утверждалось, что, возможно, в компьютерах, которые используют сотрудники нашей фирмы, имеются контрафактные программы. В нем же, было указано, что в трехдневный срок мы должны это проверить, и, если такие программы у нас имеются, удалить их и закупить лицензионные.

Всерьез его визит я не воспринял, – продолжая барабанить по столу, опустил глаза коммерсант. – Но написал на его экземпляре этого уведомления, что мне для проверки нужно не три, а семь дней, так как на следующий день уезжал в командировку, в Брянск, где у нас находится производство.

Закончив читать, я поднял глаза на Ставинского, взглядом поощряя его к дальнейшему повествованию.

– Так вот, – продолжил он, посмотрев мне в глаза, но тут же отведя взгляд, – через пять дней после визита Мервозеидова, в офис пришла уже оперативно-следственная группа, с понятыми, экспертом и видеокамерой и изъяла у нас два сервера, в которых, как пояснил эксперт, были контрафактные программы четырех Корпораций: «Гиперсофт», «Адобс», «Риф» и «Аутотейбл» стоимостью не менее пятисот тысяч рублей.

– Ого, – присвистнул я от удивления, – на двух компьютерах и на полмиллиона? Круто!

– Лицензионные программы очень дорогие, – назидательно сказал Валерий, – один «Фотошоп» чего стоит.

«Нужно будет обязательно сказать шефу, чтобы проверили все наши компы», – мелькнула у меня мысль. Но вслух я произнес:

– А почему они пришли на пятый день? Вы же этому Марату, сообщили, что вас в городе не будет?

– Я вернулся за несколько часов до их визита и находился в офисе..., – пояснил Ставинский.

– Скажите, Валерий, – мягко перебил его я, – а кто приобретал эти контрафактные программы, кто устанавливал их на ваши серверы?

– В том-то и дело, – возмущенно вскинул брови мой собеседник, – что годом ранее наша фирма заключила договор с компанией по установке и обслуживанию компьютеров под названием «Все работает». Правда, есть одна заковыка, – признался Валерий. – Дело в том, что подпись от имени нашей компании под этим договором ставил не я, а моя сестра, Нина. Меня тогда в Москве не было. Но фамилия и инициалы были указаны мои.

– То есть, – понял я, – установили контрафакт на ваши компьютеры работники этой фирмы?

– Точно так, – подтвердил Валерий, – мы еще и заплатили этим мошенникам за эти программы, как за лицензионные. А крайним сейчас оказался я. Мол, использовал свое служебное положение директора в целях причинения правообладателям крупного материального ущерба.

– Работники компании «Все работает» приходили в ваш офис? – поинтересовался я.

– Да, приходили. И много раз.

– Зачем?

– Они устанавливали и настраивали нам все эти программы, антивирус, почтовые программы, драйвера и так далее, подключали в нашу корпоративную сеть рабочие станции.

– А эти их визиты к вам как-нибудь фиксировались? Ну, может быть, акты какие-нибудь составлялись? – продолжал интересоваться я.

– Обязательно, – удовлетворенно улыбнулся Ставинский. – У меня имеются несколько актов выполненных работ, подписанных от имени фирмы «Все работает». Кроме того, на первом этаже здания, в котором расположен наш офис, сидят сотрудники ЧОПа, которые в журналах регистрации посетителей, указывают данные каждого приходящего к нам человека с указанием его места работы или службы.

– Интересно, – оживился я, – а эти документы следователем изъяты?

– Вот именно, что нет. – Собеседник откинулся на спинку стула. – А мой адвокат, Гакаев, про которого я вам говорил, не хочет писать ходатайство об их изъятии.

– Этот Гакаев защищает вас как бесплатный защитник, предоставленный государством? – задал я вопрос.

– Вот именно, что нет, – начал горячиться Валерий. – Мне его порекомендовала следователь, сказала, что это очень грамотный и добросовестный адвокат, а он вообще ничего делать не хочет. Ходит на допросы, молчит, как рыба, и подписывает все протоколы, не глядя. Он говорит, что мне нужно признавать вину и соглашаться на особый порядок судебного разбирательства. Ну, в смысле, чтобы мое дело не слушалось, а суд сразу, без исследования доказательств, постановил бы мне приговор. Рамазан сказал, что при таком раскладе мне дадут всего пару лет условно. А вот если буду ершиться, и доказывать, что я не при делах, тогда могут и реально те же два года впаять, статья-то у меня тяжкая, до шести лет.

Я призадумался. С одной стороны, было ясно, что навязанный Валерию следствием адвокат, является «карманным», то есть работающим в связке со стороной обвинения. Главная задача такого «защитника» посеять в душе клиента панику и пораженческие настроения, с тем, чтобы тот признал себя виновным в обвинении, которое ему предъявило следствие. В этом случае, суд действительно будет благосклонен к «раскаявшемуся преступнику» и, скорее всего, Ставинский получит условно. Тогда, как говорится, и волки будут сыты, и овцы целы. Все будут рады, кроме разве что самого подсудимого. Кому какое дело, что осужден невиновный, а действительные преступники на свободе? Особый порядок – и концы в воду!

С другой стороны, клиенты, особенно при первой встрече с адвокатом, не всегда говорят правду. Вполне возможно, что сам Ставинский и дал распоряжение установить на компьютерах своей компании «левые» программы или это сделала его очень уж самостоятельная сестра. Ведь подписать от имени брата договор она не постеснялась...

Могло случиться и так, что войдя в дело, я настрою Валерия вину не признавать, вступлю в конфронтацию со следствием и другим защитником, чем в конечном итоге Ставинскому наврежу. Если у стороны обвинения есть серьезные доказательства, то они, хотя бы из мести, легко смогут выйти в суд с ходатайством о заключении Ставинского под стражу. Если же подсудимый будет доставлен в суд под конвоем, то и уехать оттуда он может таким же макаром. Плюс ко всему, не надо сбрасывать со счетов, что я собираюсь играть на чужом поле, не обладая никакими связями ни на следствии, ни в суде. В отличие от адвоката Гакаева...

Взвесив все «за» и «против», я принял решение. Сначала я вступлю в дело, осмотрюсь, получу сведения о том, какие козыри есть на руках противной стороны, а уже потом решу, какую правовую позицию занять. Ведь первое правило адвоката, – не навреди! Впрочем, если Валерий невиновен, то я посоветую ему ни при каких обстоятельствах не признавать вины в том, что он не совершал.

– Скажите, Валерий, – наконец обратился я к Ставинскому, – у вас есть сведения о том, где Гакаев работал до того, как стать адвокатом?

– Конечно, – не раздумывая, ответил тот. – Гакаев работал там же, где ведется мое дело, – следователем в следственном управлении УВД Северного округа.

– Понятно. Еще вопрос. Могла ли ваша сестра, Нина, в ваше отсутствие дать указание поставить эти программы?

– Нет, – твердо сказал Ставинский, – не могла. – И, немного погодя, уже менее уверенно добавил, – не думаю.

«В общем, все как всегда, – подумал я, – ясно, что ничего не ясно».

Глубоко вчитываясь в переданные Валерием бумаги я не стал. Я сделаю это, когда тот уйдет. Подписав соглашение и получив от Ставинского аванс, я пошел его провожать.

– Мною следователю будет подготовлено ходатайство об изъятии в ЧОП журналов регистрации посетителей и приобщении к делу актов выполненных работ, – веско сказал я. – Думаю также, что нужно будет допросить работников этого ЧОПа, которые осуществляли пропуск представителей фирмы «Все работает» в ваш офис. А договор между «Рекламными конструкциями» и «Все работает» следствием изъят?

– Нет, – покачал головой мой новый подзащитный.

– А работники компании «Все работает», которые с вами взаимодействовали, допрошены?

– Я точно не знаю, – задумался Ставинский. – Следователь такую информацию мне не дает, но недавно я общался по телефону с их директором. Он сказал, что наш договор у них не изымался, а из сотрудников никто не допрашивался.

– Кстати, – внимательно посмотрел я на него, – а вы после визита Мервозединова с директором «Все работает» связывались? Проблему обрисовывали?

– В тот же день, сразу после ухода от нас Мервозединова. Но Егоров сказал, что ничего не знает. Мол, все программы, установленные ими, были лицензионными. А еще я по совету Мервозединова звонил Карине Блинцовой, представителю потерпевших Корпораций. Но мне в ее офисе сказали, что она болеет, а ее мобильный телефон дать отказались. Заколдованный круг какой-то...

Глава третья

25 января 2010 года, понедельник.

Нина Ставинская знала о новом черном «Лендкрузер-200», который в октябре прошлого года я купил себе на день рождения. Это было после дела Минка, когда мне удалось не только добиться оправдания своего подзащитного, но и, позднее, вычислить его убийцу. Нина с братом еще шутили, что теперь, даже если Валерия оправдают, то он все равно не сможет рассчитаться со мной по новым ставкам, которые отныне причитаются столь известному и востребованному адвокату.

Поэтому Ставинская разыскала мой автомобиль довольно быстро. Она молча открыла дверь и, дождавшись, пока я уберу с переднего пассажирского сиденья айфон, села рядом.

Это была высокая, худая молодая женщина лет двадцати семи с некрасивым заплаканным лицом. Черты лица у нее были мелкие, глаза посажены слишком близко, губы тонкие. Само личико было маленьким на фоне довольно широкой шеи. Да и кость у нее, несмотря на ее

собственную худобу, была широкой, ладони и запястья рук крупными, почти мужскими. Шуба на ней была хоть и не самой дорогой, но и не из дешевых.

– Василий, – начала она без предисловий, упершись взглядом в приборную панель, – я помню, вы рассказывали нам с братом о том, как вам удалось тем летом вычислить убийцу вашего клиента. – Ее высокий голос дрожал и вибрировал от нервного напряжения, из глаз снова потекли слезы. – Конечно, я не смогу заплатить вам столько, сколько вы получили за то дело, – превозмогая себя, продолжала она, – но я прошу, я вас очень прошу, я вас заклинаю, найдите мне этого человека!

Я сидел молча, уставившись в одну точку.

– Вы, наверное, не знаете, Валера вам не говорил, – давясь слезами, продолжала она, – три года назад мы купили с ним на двоих большую трехкомнатную квартиру на улице Дыбенко. Он тогда еще не был женат, а я и сейчас не замужем. Теперь, когда брата нет, эта квартира мне больше не нужна. Его жена, Лада, живет с ним... – она осеклась, – жила... в другой квартире, которую Валера оформил на нее. А я перееду в родительскую, там сейчас живут арендаторы. Квартира на Дыбенко стоит четыреста тысяч долларов, я знавала...

– Не нужно, – тяжело вздохнув, почти шепотом выдохнул я, до сих пор пребывая от случившегося в шоке. – Нина, я обещаю вам, что сделаю все возможное, чтобы найти того, кто это сделал, – убежденно произнес я, первый раз за время разговора переведя на нее взгляд.

– Спасибо, – ее голос сорвался, и она, не в силах больше совладать с собой, зарыдала в голос, закрыв ладонями лицо.

Немного погодя, успокоившись, она произнесла:

– Брат говорил, что у вас есть серьезные связи в следственном комитете. Если эти люди за свои услуги что-то попросят, я готова на любые траты, только бы они нашли эту мразь.

– Хорошо, – ответил я ровным, ничего не выражающим голосом. Поскольку я считал, что принадлежу к когорте людей действия, мне уже начала надоедать эта обстановка скорбной безнадеги. – Если им что-то понадобится, я обязательно дам вам знать.

Мне очень хотелось поскорее закончить этот разговор, который начинал меня тяготить, но не мог же я в такой момент обидеть сестру своего покойного клиента, предложив ей покинуть автомобиль.

Наконец, она справилась со своим состоянием, вытерла лицо, бросила носовой платок в сумочку и открыла дверь.

– Я твердо решила, что если вы найдете убийцу моего брата, – напоследок решительно заявила она, – то получите от меня двести тысяч долларов. Эти деньги я отдам вам в память о брате. Я верю в вас, Василий, ведь вам почти удалось добиться оправдания Валеры. Он... он говорил мне об этом. А теперь вы должны постараться найти человека, забравшего у меня единственного и любимого брата...

***

Едва дверь автомобиля закрылась, я взял айфон и набрал номер своего однокурсника, помогавшего мне выйти на преступников по делу об убийстве Федора Минка. Я звонил Алексею Береговому. Через некоторое время в динамике послышался знакомый голос:

– Да, Вась, привет, давно тебя не слышал. Как дела?

– Ничего, нормально, – с хмурым видом ответил я. – Ты не поверишь, но у меня снова убили подзащитного.

– Шутишь? – обеспокоенно уточнил Береговой, и по моему молчанию понял, что я говорю правду. – Где, когда?

– Еще часа не прошло, прямо около Головинского суда. – Я заерзал на сидении. – Леш, я хотел узнать, у тебя случаем никого из знакомых следаков в Северном округе нет?

– Подожди, дай угадаю, – Алексей многозначительно помолчал, – его зовут Валерий Ставинский?

– Откуда ты знаешь? – моему удивлению не было предела.

– А скажи мне, друг мой Василий, когда ты звонил мне последний раз? Можешь вспомнить? – уж слишком явно упрекнул меня друг.

– Так в сентябре и звонил, – понимая, к чему он клонит, ответил я, уже испытывая первые муки совести за столь «частое» общение с другом.

– Значит, тебе наверняка не известно, что я уже два месяца как работаю «в городе», – продолжал Алексей. – Руководжу отделом по расследованию особо важных дел о преступлениях против личности и общественной безопасности, – не без хвастовства огорошил меня Береговой. – А, следовательно, как ты понимаешь, теперь все громкие убийства в Москве находятся в моей прямой компетенции.

– Поздравляю! – оживился я. Несмотря на радость, я никак не мог отделаться от какого-то непонятного чувства вины перед старым товарищем. – А раз так, то на ловца и зверь бежит. Мне нужно будет с тобой плотно посотрудничать по этому делу.

– Есть заинтересованная сторона? – догадался Береговой.

– Да, есть, – ответил я. – Хотя и не так плотно заинтересованная, как в прошлый раз, – намекнул я на «гонорар», доставшийся Береговому за помощь в раскрытии дела Минка.

– Вася, с тобой сотрудничать не только полезно для следствия, но и приятно, – обрадовался Алексей. – Скажу честно, мне понравилось.

Еще бы, в прошлый раз он получил от меня за сотрудничество не много ни мало – пол-миллиона долларов. И это не считая его новой должности, на которую Береговой наверняка был назначен благодаря раскрытию такого трудного и резонансного дела, как убийство Минка. Дела, которое, в общем-то, раскрыл я. Хотя, положа руку на сердце, следовало признать, что этот успех вряд ли был возможен без помощи официального следствия в лице Берегового. Тот же гений сыска – Шерлок Холмс, едва ли сумел бы добиться столь впечатляющих результатов, если бы не информация, поставляемая ему инспектором Лестрейдом, из которого великий Конан Дойль сделал в своих романах настоящее посмешище. А зря. В реальной жизни преступления раскрывают профессиональные следователи и оперативники. Я это понимал, и поэтому страсть как обрадовался новому назначению друга и новым возможностям, которые сулила нам его новая должность.

– Леш, а ты можешь забрать это дело к себе? – осторожно поинтересовался я.

– Думаю, да, – сменил шутливый тон на деловой мой собеседник.

– Тогда приезжай на место происшествия. Поверь, мне есть, о чем тебе рассказать.

– Хорошо, сейчас доложу руководству. Я тебе перезвоню. – В трубке раздались короткие гудки.

«Видимо, его дернул кто-то из начальства» – подумал я.

Минут через пятнадцать Береговой перезвонил и сообщил сразу две радостные новости. Первая: дело поручено его отделу, и вторая – он выезжает на место происшествия.

***

Он старался вести машину аккуратно, так, чтобы не остановили гаишники. В этом случае у него могли возникнуть большие неприятности. Водительского удостоверения он с собой не брал, что и неудивительно. Ехать на дело со своим собственным было равносильно явке с повинной. Ведь инспекторы могли проверить подозрительную «приору» по своей базе или просто запомнить данные ее водителя. А «липовое» он решил не делать. Связи в криминальном мире у него, конечно же, были, но он уже недавно их использовал. Чтобы подделать другой, более важный для его затеи документ. А обращаться к своему бывшему агенту еще раз ему не

хотелось. В общем, если бы его тормознули по дороге на дело, то он бы решил вопрос на месте. Ведь не уголовник же он какой-нибудь, уважаемый человек. К тому же бывший сотрудник.

Но все обошлось. Вернее, еще не обошлось, но предпосылки к тому имелись.

До метро он не доехал метров сто. Выбрал себе место для парковки и, заглушив двигатель, осторожно выбрался наружу. На голове у него снова появился капюшон. Круглая шерстяная шапочка тоже была плотно натянута до самых бровей. Тонкие матерчатые перчатки он не снимал вообще, чтобы не оставить отпечатков пальцев в салоне автомобиля и снаружи. На перчатках могли остаться следы от пороховых газов и от оружейного масла. Избавляться от них нужно, как, впрочем, и от куртки, которая сейчас на нем. На ней тоже могли быть следы, особенно в правом наружном кармане, где в ожидании своего часа лежал пистолет.

Но куртку и перчатки он выбрасывать не собирался. Тем более, что выкинув их где-нибудь поблизости, он сделал бы для милиции самый настоящий подарок. Ведь «приору» сотрудники найдут уже очень скоро и сразу начнут обследовать все урны, которые находятся в непосредственной близости от нее. А может, и не только в непосредственной.

Напрямик к метро он не пошел, а свернул во дворы, прошел мимо кирпичной пятиэтажки, завернул за угол, незаметно осмотрелся. Все, больше тянуть не стоит, времени совсем нет. Нужно спешить, вполне возможно, что ориентировка на него уже составлена и передана постам.

Сняв перчатки и положив их в карман куртки, мужчина в зеленой «Аляске» с надвинутым на голову капюшоном спустился в подземный переход, к станции метро «Войковская». Пройдя к эскалатору по заранее приобретенной карточке, он спустился вниз и смешался с толпой, ввалившейся в поезд, который отправлялся в сторону центра.

***

Олег Александрович Ломакин был большим мастером попадать в различные неприятные ситуации. Четыре года назад, работая следователем в одной из подмосковных прокуратур, он угодил в глупейшую ситуацию. На своем рабочем месте, в кабинете следователя, он умудрился пойти на поводу у молодой красотки, пришедшей к нему на прием, и заняться с ней любовью. После окончания любовного акта, красotka неожиданно сменила милость на гнев и стала громко звать на помощь. Дескать, помогите, насилуют. В отношении Ломакина была назначена доследственная проверка, поскольку женщина написала заявление об изнасиловании. Уголовное дело возбуждено не было, так как выяснилось, что «потерпевшая» являлась пассией одного из его подследственных. Но скандал все равно вышел грандиозный. В результате Ломакина из прокуратуры попросили.

Оказавшись на вольных хлебах, Олег решил стать адвокатом. Но не получилось. И, разумеется, по его мнению, в этом была виновна коррупция в адвокатуре, куда принимали только своих, а никак не его собственное разгильдяйство и неподготовленность, которые он блестяще продемонстрировал при сдаче квалификационного экзамена на присвоение адвокатского статуса.

До следующей попытки стать счастливым обладателем удостоверения адвоката был целый год, а жить на что-то было нужно. Поэтому Ломакин зарегистрировался индивидуальным предпринимателем в юридической сфере и стал зарабатывать деньги, «решая вопросы» клиентов в судах и правоохранительных органах.

Как-то раз к нему обратился один серьезный бизнесмен, являвшийся совладельцем и генеральным директором Ассоциации частных охранных предприятий «Московия». Он попросил Ломакина с помощью имевшихся у того связей «решить» некий вопрос в арбитражном суде. На это бизнесмен выделил ему полмиллиона долларов. Но не просто так. Олег должен был подтвердить факт получения им этой суммы распиской и заключить с Ассоциацией договор, предметом которого было личное участие Ломакина в суде на стороне истца. Увидев

столь значительную сумму наличности, которую доверитель выложил перед ним, Олег словно потерял разум, пойдя на все требования клиента. Разумеется, что о выданном тому экземпляре договора и о расписке он тут же забыл. Восемьдесят процентов из полученной суммы Ломакин передал «по назначению» одному из чиновников Высшего Арбитражного суда, с которым дружил его отец, и вопрос клиента был успешно решен.

А через год он с удивлением обнаружил в своем в почтовом ящике претензионное письмо, из которого следовало, что он, Олег Александрович Ломакин, должен вернуть Ассоциации ЧОП «Московия» пятнадцать миллионов рублей. В претензии утверждалось, что получив год назад деньги и заключив договор оказания возмездных услуг, Ломакин предмет договора не исполнил, в суде ни разу не появился, а суд «Московия» выиграла при помощи своих штатных юристов.

Следующие полгода Олег провел, словно во сне. Ему казалось, что все это происходит не с ним. Он не мог себе даже представить, что люди способны на такое коварство. Но факт, есть факт. Естественно, что все суды он «Московии» проиграл. А дальше началось самое неприятное. Квартиру, которую он получил от прокуратуры и успел приватизировать, арестовали. Впрочем, как и автомобиль, вместе со всем остальным имуществом, которое ему принадлежало. А в суд было заявлено уже новое требование – о его выселении. Фактически, через несколько месяцев Ломакин должен был оказаться лицом без определенного места жительства.

И вот в этот-то момент лучом света в беспросветной мгле депрессии его посетила некая мысль. Случайно узнав от своего бывшего сослуживца, что его прежний прокурор, Петр Иосифович Карпицкий, назначен на должность заместителя руководителя департамента экономической безопасности МВД, он решил пойти к бывшему начальнику на прием и рассказать о том положении, в котором он оказался.

Карпицкий слушал его внимательно, не перебивая. Олег был взволнован, и было видно, что он готов был цепляться за любую соломинку лишь бы остаться на плаву.

– Да, натворил ты дел, – протянул начальник, внимательно посмотрев на Ломакина. – Ну да ладно...

Генерал по внутренней связи попросил секретаршу никого к нему не пускать и ни с кем не соединять, после чего встал из своего начальственного кресла и сел напротив гостя, давая тем самым понять, что разговор у них будет доверительный.

Молодой он еще, сорок два недавно исполнилось, а уже генерал-майор милиции. Форма на нем сидела как влитая. Невысокого роста, плотно сложенный, похожий на гриб-боровик крепыш с широкими плечами. Лоб широкий, волосы аккуратно зачесаны на пробор. Лицо холёное, подбородок самодовольно вскинут, взгляд надменный, с небольшим прищуром.

То, что предложил Олегу его бывший начальник, было для Ломакина спасением.

– Я тебе помогу, – подперев подбородок двумя большими пальцами рук, поставленных на локти, задумчиво проговорил Карпицкий, глядя на Ломакина. – Завтра же ты получишь пятьсот тысяч долларов и сможешь погасить свой долг. И еще, – он ввинчивался в Олега зондирующим взглядом. – С этого момента ты будешь работать на меня и выполнять все, что тебе будет сказано.

Олег был ошарашен. Он не ожидал, что удача когда-нибудь вообще повернется к нему лицом. А тут в одночасье ему предлагалось решить практически все его проблемы. Конечно, он согласен. Он сделает все, что прикажет ему его бывший начальник. Медленно слотнув и посмотрев на генерала взглядом преданной собаки, Ломакин произнес:

– Я согласен на все ваши условия.

– Ты еще не знаешь моих условий, – укоризненно покачал головой генерал. – Значит так. Некоторое время ты поработаешь помощником нотариуса. Лицензию получишь, я об этом позабочусь. Набьешь руку, а через год-два сам станешь нотариусом, может быть даже быстрее.

Кстати, ты в курсе, сколько сейчас стоит должность нотариуса в Москве? – мягко поинтересовался он.

– Представляю, – неуверенно протянул Ломакин.

– Да нет, мил человек, я думаю, ты не представляешь. Полтора миллиона. Долларов. – Карпицкий наблюдал за его реакцией. – К тому же конкурс миллионеров на одно место нотариуса сейчас более тридцати человек.

Олег не знал, как ему реагировать. Что это? Подарок судьбы? Видимо, у Карпицкого на его счет были действительно большие планы. И этот человек вот так сразу готов выложить за него как минимум два миллиона долларов?

– Но ты особо не обольщайся, – вернул его на грешную землю собеседник. – Я сделаю это не за твои красивые глаза. Мне сейчас очень нужны свои люди. Чтобы ты знал, я возглавляю в нашем департаменте антикоррупционный блок. Естественно, я не могу быть замешанным в коррупционных делах. У нас тут своя кухня, – жестко усмехнулся он, – свои группировки, заморочки, в общем. Тебе об этом знать не обязательно. Ты должен усвоить одно: я не хочу быть причастным к темным коррупционным делам, хотя, признаюсь, соблазн есть. Поверь мне, на моей сегодняшней должности я легко могу стать миллиардером. Но для этого необходимо влезть в преступные схемы, стать составной частью, деталью этой огромной машины. Мы ведь занимаемся всем, что связано с преступной деятельностью в экономике, ты даже не представляешь, какие деньги крутятся в этой сфере. Наша теневая экономика соизмерима с бюджетом государства. Мне чуть ли не ежедневно поступают предложения, от которых другой бы на моем месте отказаться не смог. Это взятки даже не на миллионы – на десятки миллионов долларов. Но, я также понимаю, что влезь я туда, и эта система меня засосет, сделает винтиком в своем механизме. А я этого не хочу, – немного пафосно закончил он.

Генерал поднялся, и стал ходить по кабинету, разминая затекшие руки.

– Однако сказанное вовсе не означает, что я бессребреник, – глядя на него, веско сказал Карпицкий. – Сейчас я не готов озвучить тебе источники моего, так сказать, дополнительного дохода, но, возможно, сделаю это. В будущем. При одном условии – ты дашь мне слово, что с этого момента я смогу на тебя рассчитывать. – Он немного помедлил. – Рассчитывать в любых делах. О чем бы я тебя ни попросил.

Генерал был неплохим психологом и понимал, что ему нужно получить заверения в полной себе лояльности именно сейчас, когда Ломакин раздавлен грузом долгов и ситуацией, из которой самостоятельно ему не выбраться. Он, словно грамотный коллектор, выкупал долг Ломакина у его прежнего кредитора, чтобы привязать к себе намертво.

– Даю слово, – вымученно улыбнулся Олег.

– Вот и хорошо, – удовлетворенно кивнул Карпицкий. – Вот адрес, – он снова сел в свое кресло, вырвал листок и стал быстро записывать. – Подойдешь туда завтра с утра, часам к десяти, спросишь Лидию Ароновну, получишь деньги и напишешь расписку. Детали своей работы обговорите с ней на месте.

Взяв протянутый листок, Олег подобострастно улыбнулся и, заверив своего благодетеля в вечной к нему лояльности, в приподнятом настроении покинул кабинет. Похоже, Фортуна снова поворачивалась к нему лицом.

Глава четвертая

Ждать Берегового мне пришлось недолго. Он приехал минут через сорок, и, увидев меня стоящим метрах в тридцати от трупa Ставинского, направился в мою сторону. Рослый Алексей мужик, метр девяносто в нем, не меньше, косая сажень в плечах. Массивная лысая голова, лоб высокий, широкий, черты лица крупные, но четко очерченные, крепкий нос, тяжелый подбородок, шея, как у борца, хотя борцом он никогда не был. Зато имел звание кандидата в мастера спорта по волейболу.

– Привет, – зычным голосом поздоровался он. Лицо озабочено, на лбу глубокая морщина.

– Здорово, – пожав протянутую руку, радостно поприветствовал я товарища.

– Прибыл в твое распоряжение, – пошутил Алексей. Дорогая дубленка на нем, новые модные зимние джинсы, удобные, теплые ботинки английской фирмы «Ллойд». Взгляд у Берегового цепкий, внимательный, хотя и добродушный.

– А я думал, ты сразу на место происшествия отправишься, – сказал я, ступив с бордюра на проезжую часть, и оказавшись между двумя автомобилями.

– Успею еще, – махнул рукой начальник следственного отдела. – Там и без меня начальства понаехало. Есть кому распоряжения отдавать. Дело нам пока не передано, но это дело времени. Думаю, уже сегодня вечером или, в крайнем случае, завтра оно будет в производстве у следователя моего отдела.

– Ну, значит, так, – перешел я к сути произошедшего. – Рассказываю, что мне стало известно со слов очевидцев. Валерий Ставинский, мой клиент, направлялся в суд. Навстречу ему шел незнакомец в зеленой куртке с капюшоном на голове. Он вынул пистолет, трижды выстрелил в Валерия почти в упор, вернулся к светлой «десятке» или «приоре» и уехал в направлении метро «Войковская».

– А вон и камера, – показал Береговой на вход в театр, над которым виднелся глазок видеокамеры.

– Я тоже заметил. Думаю, и ваши орлы ее срисовали. А еще переписал все данные припаркованных вокруг машин.

– Молоток, чувствуется в тебе следственная жилка, – одобрительно сказал Алексей. – К тому же ты уже успел зарекомендовать себя и как отличный частный сыщик. – Он намекал на недавнее дело Минка.

– А теперь перейдем к шкурным вопросам, – не обращая внимания на лесть в свой адрес, сказал я.

– Давай перейдем, – заинтригованно поведя бровью, кивнул Алексей.

– Нина Ставинская, сестра погибшего, обещала мне за раскрытие убийства брата двести тысяч. Предлагаю, как и в прошлый раз, работать по этому делу согласованно и делиться любой информацией. Половина твоя.

– Заметано. – На лице Берегового появилась хитрая улыбка. – У нас с тобой уже что-то типа тандема вырисовывается. Глядишь, еще пара-тройка дел и мне можно будет увольняться и открывать с тобой на пару частное бюро расследований.

– Можно, – вполне серьезно согласился я с товарищем. – Вот только увольняться тебе для этого не обязательно. А то наше бюро окажется без тебя, как без рук. Ведь эффективность нашего тандема и складывается из того, что ты работаешь по делу, находясь на своем месте, а я на своем. Ладно, это лирика, больше задерживать тебя не буду. – Я снова поднялся на тротуар. – У меня к тебе предложение. – Вынув из кармана визитку и передав ее Алексею, я сказал: – Здесь адрес моего нового офиса, подъезжай вечером, обдумаем план наших дальнейших действий. И еще, просьба. Если будет возможность, закачай на флэшку видео с камеры у театра, пусть у меня тоже будет, на всякий случай. А я расскажу тебе одну очень интересную версию того, кто мог быть заинтересован в устранении Ставинского. Ну, все, давай, мне нужно идти.

Я пожал товарищу руку и уехал. Нужно было проанализировать всю имеющуюся у меня информацию по уголовному делу, которое до сегодняшнего дня велось в отношении Ставинского. А раздумывать над чем было. Дело это пахло аферой века, если не по количеству похищенных денег, то по гениальности и беспредельной наглости преступной схемы уж точно. И, похоже, за ее разработчиками стояли очень большие люди.

***

Зима в этом году выдалась мягкая, весь декабрь с плюсовой температурой, почти без снега. Да и начало января не порадовало наступлением даже мало-мальских холодов. Только на Рождество был слабый минус. Зато гололедица, ледяной дождь, холодный порывистый ветер – это пожалуйста. Оставалась надежда, что хоть на Крещение ударят морозы и земля, наконец, оденется в настоящий, а не почти бутафорский, в насмешку матери-природе, снежный покров.

И морозы ударили, да еще какие. Сразу минус двадцать пять и снега навалило. Но продержались они недолго, и постепенно температура пришла в норму. Хорошо сегодня на улице, ясно, легкий морозец и дышится легко.

Найти место для парковки мне удалось довольно быстро, благо была середина дня и большинство конкурентов за место для стоянки железного коня находились на работе.

Сняв видеорегистратор, я вошел в новый, недавно отремонтированный офис адвокатского бюро «Кравчук и партнеры». Офис представлял собой двухкомнатную квартиру общей площадью семьдесят пять квадратных метров, расположенную на первом этаже кирпичного «сталинского» дома в пяти минутах ходьбы от станции метро «Академическая». Я приобрел ее еще в сентябре прошлого года и сразу приступил к ремонту. А еще я купил двухкомнатную квартиру для себя, здесь же, в новом монолитно-кирпичном доме по улице Кедрова. От нее до офиса было рукой подать. Этот район мне очень нравился. Недалеко от центра, хорошая инфраструктура, и, в то же время, довольно тихо.

Бюро было образовано четыре месяца назад и пока что состояло всего из двух адвокатов. Ни помощников, ни стажеров, ни бухгалтера, не говоря уже о секретаре, у нас пока не было.

Вторым адвокатом бюро и моим партнером был мой бывший сослуживец, Саша Рудаков. В 1998 году мы работали с ним вместе в составе следственной группы по громкому делу о колоссальных хищениях в Министерстве обороны. После передачи дела в суд, следственная группа была расформирована, и Саша исчез из моего поля зрения. А в начале осени прошлого года Рудаков мне позвонил и сообщил, что только что стал адвокатом и ищет в какое бюро или коллегии ему податься. Став после дела братьев Минк обладателем почти миллионного состояния, я решил перебраться из Подмоскovie в Москву, и организовать свое собственное адвокатское образование. Мы встретились, поговорили и решили работать вместе. Естественно, что первую скрипку в нашем дуэте должен был играть я, поскольку офис принадлежал мне. К тому же, я был более опытным адвокатом. Но Рудаков был старше меня на четыре года, а после ухода из органов военной прокуратуры перешел на работу в Департамент экономической безопасности МВД. Там он сумел дослужиться до полковничьих звезд, став начальником отдела в оперативно-розыскной части. Естественно, что за время работы там, Саша обзавелся весьма полезными знакомствами, как среди московских правоохранителей, так и в среде бизнесменов. И это обстоятельство, помимо давних дружеских отношений, связывавших нас, послужило для меня дополнительным аргументом в пользу выбора Рудакова в качестве партнера. Саша был очень энергичен, и как боевой конь постоянно рвался в бой, желая проявить себя на новом для него адвокатском поприще.

Но сейчас Рудакова в офисе не было. Вчера он позвонил мне и сообщил, что сегодня выйти на работу не сможет. Он слег с гриппом.

Заварив себе крепкого черного чая, я расположился за столом, включил компьютер и задумался. До приезда Берегового было несколько часов. Я подсоединил видеорегистратор к компьютеру и включил запись. В памяти всплыли события недавнего прошлого. Мне нужно было понять, кто именно решился на такое дерзкое убийство моего клиента, произошедшее среди бела дня на оживленной московской улице в трех шагах от суда. И почему именно сегодня. Сомнений не было, заказчику покушения на Ставинского важно было устранить Валерия до вынесения судом решения и он, этот заказчик, знал, что сегодня все обвинения со Ставинского будут сняты. Что же такого опасного могло произойти для заказчика после этого? Ответ на этот вопрос следовало искать в прошлом.

***

9 сентября 2008 года, среда.

К зданию следственного управления УВД Северного административного округа я и Валерий подъехали почти одновременно. Миновав КПП, мы зашли через центральный вход и поднялись на третий этаж. До начала допроса, запланированного на десять часов, оставалось еще пятнадцать минут, и я решил использовать это время для знакомства с коллегой, адвокатом Гакаевым, который уже находился здесь. Об этом нам сообщила следователь, которой Ставинский доложил о нашем прибытии.

Мы сели на лавку для посетителей около кабинета следователя. Минуты через две дверь соседнего кабинета отворилась, и оттуда с улыбкой на лице вышел невысокий худосочный кавказец с узким лицом. На вид ему можно было дать лет пятьдесят. Ухоженный, в черном костюме и кожаных туфлях. Мужчина подошел к Ставинскому, поздоровался с ним за руку, протянул руку мне, растянув узкие губы в подобии улыбки.

– Рамазан, – представился он, окинув меня оценивающим взглядом.

– Василий, – невозмутимо поприветствовал его я, поднявшись со своего места.

Гакаев положил свой черный кожаный портфель на лавку, где сидел Валерий, и предложил мне отойти в сторону для разговора.

Когда мы отошли, он спросил:

– Василий, вы раньше занимались делами этой категории?

– Нет, по этой статье я никого пока не защищал, – честно признался я.

– Спасибо за откровенность, – мягким вкрадчивым голосом поблагодарил Рамазан. – Буду с вами тоже предельно откровенным, – продолжал он, – раньше я много лет работал в этом здании и знаю тут каждую собаку. – Он сделал акцент на последних двух словах, недобро сощурился при этом глаза. – Так вот, любой здешний следователь и адвокат вам подтвердит, что за все время работы нашего управления по этой статье не было ни одного оправдательного приговора. И ни одно дело не было прекращено.

Я молчал, давая коллеге высказаться. А то, что он будет горячо меня убеждать поднять руки в гору и начать признаваться и каяться, у меня сомнений не было.

– Поэтому у меня к вам предложение. Давайте не будем, как в басне Крылова про Лебедя, Рака и Щуку, тянуть одеяло каждый на себя, а раз и навсегда сообща выработаем единую позицию по этому делу. Я думаю, что будет правильно, если Валера признает вину и согласится на особый порядок в суде.

Он остановился и испытующе посмотрел мне в глаза.

– Признает вину в чем? – невозмутимо глянул на него я. – В том, что он реально не совершал?

Несмотря на то, что ростом я был гораздо выше своего собеседника, тот умудрялся каким-то образом смотреть на меня сверху вниз.

– Послушайте, коллега, – начал заводиться Рамазан, – мы работаем по этому делу уже два месяца. А вы, не зная, какие доказательства есть у следователя, еще даже не войдя в дело, уже начинаете гнуть свою линию. Валера мне говорил, что вы поддерживаете его в стремлении доказать свою невиновность, но так же нельзя. Все доказательства налицо, вы хотите, чтобы ему дали реальный срок?

– Простите меня, Рамазан, э-э...

– Можно просто Рамазан, – махнул он рукой.

– О каких доказательствах вы сейчас ведете речь? – Я нахмурился, но мой тон не изменился, оставаясь невозмутимым. – Вы что, читали это дело?

– Да, читал, – как ни в чем не бывало, ответил собеседник. – Я же вам уже сказал, что я человек здесь не посторонний и мне, в отличие от некоторых коллег, – он ехидно усмехнулся, –

дают почитать те материалы, знать о которых защите до ознакомления с материалами дела нельзя.

– И что вы там вычитали? – Я старался говорить как можно спокойнее, но мне уже стало ясно, что конфронтации с коллегой избежать не удастся.

Гакаев уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент дверь кабинета следователя открылась и нас пригласили зайти.

***

Кабинет следователя Бочкиной представлял собою просторное помещение прямоугольной формы. Впереди, около большого окна, два сдвинутых стола. Видимо, помещение она делила с одним из своих коллег, которого сейчас не было. Сбоку к столам спинками друг к другу придвинуты два стула. У стен, напротив друг друга, высоченный шкаф, до отказа набитый какими-то папками, сумками и другими предметами, видимо вещественными доказательствами, и длинный продавленный диван. Судя по всему, ремонт здесь не делали со времен царя Гороха. Дешевые бумажные обои, на полу выдавший виды линолеум, потолки обшарпанные, в воздухе дух казенщины и дешевого офиса.

Полная молодая женщина с густыми темными волосами, сидя за столом, смотрела на вошедших как на какое-то досадное недоразумение, с насмешкой и неприкрытым превосходством в маленьких черных глазках. Широкое лицо, большие отвислые щеки, прямой нос, пухлые губы, явно наметившийся второй подбородок. Лет двадцать семь ей, не больше, а грудь уже обвислая, хотя и большая. Форма капитана милиции висит на ней мешком, хотя впечатления того, что женщина не ухожена и не следит за собой, нет.

– Заходите, гости дорогие, – с фальшивой улыбкой прокуренным с хрипотцой голосом пригласила она.

Ставинский прошел вперед и сел напротив хозяйки кабинета, Гакаев устроился на диване, а я, вынув служебное удостоверение, ордер адвоката и несколько листов с ходатайством, передал их Бочкиной и представился:

– Адвокат Кравчук Василий Ильич.

Капитанша быстро пробежав глазами по ходатайству, презрительно скривилась и, не пытаясь скрыть свою неприязнь, голосом базарной скандалистки протянула:

– Только пришел, а уже ходатайством мне в морду тычет. – Ее губы расплылись в язвительной усмешке, а глаза хищно сощурились. – Любишь, господин адвокат, ходатайства подавать, да? Работу свою клиенту показать хочешь? – К ее лицу прилила кровь, а голос стал срываться на крик: – Хочешь, чтобы я только и делала, что в безумных твоих ходатайствах отказывала? Мне что, делать больше не хер?!

Надо сказать, я был поражен. За двенадцать лет работы, половину из которых я отработал следователем военной прокуратуры, а половину адвокатом, с подобным хамским поведением представителя власти я сталкивался впервые. Промолчать – означало потерять лицо. Сорваться и ответить хаму в форменной юбке тем же – навлечь на себя крупные неприятности. А может, все это заранее отрепетированный и хорошо поставленный спектакль, целью которого является дискредитация неудобного адвоката, получение на него компромата и, как следствие, удаление из дела? Я повернул голову назад. Гакаев вольготно развалился на диване, закинув ногу на ногу. Он с интересом наблюдал за происходящим. Какой-либо растерянности или неудобства он не испытывал. Вполне возможно, что режиссером этого спектакля являлся именно он.

– Ну, во-первых, – спокойно ответил я, глядя собеседнице в глаза, – в морду я вам ходатайством не тыкал. А во-вторых, полагаю, что подача ходатайств является моим правом, а вы, госпожа следователь, обязаны его принять и рассмотреть в установленный законом срок. – В моих последних словах зазвенел металл.

– Оскорблять меня вздумал? – ровным голосом уточнила Бочкина. – При исполнении служебных обязанностей? А если у меня тут запись ведется? А ты мое лицо мордой назвал. Не боишься, что я сейчас рапорт чиркну и в следственный комитет направлю?

– Абсолютно, – в том же тоне парировал я.

– Ладно, – с угрозой протянула представительница обвинения, окинув меня холодным презрительным взглядом. – Сначала разберемся и посадим Ставинского, а потом, может, очередь и его адвоката придет.

Она успокоилась, и как не в чем ни бывало, передала всем нам троим по экземпляру постановления о привлечении Ставинского в качестве обвиняемого.

Валерий обвинялся в незаконном использовании объектов авторского права в крупном размере, с использованием своего служебного положения.

Из постановления следовало, что Ставинский, являясь генеральным директором ООО «Рекламные конструкции», с целью избежать материальных затрат на установление лицензионных копий программных продуктов в неустановленное время, при неустановленных следствием обстоятельствах для обеспечения деятельности своей компании в области оказания услуг по изготовлению рекламной продукции, в своем офисе разместил два персональных компьютера. На этих компьютерах неустановленными лицами при неустановленных следствием обстоятельствах были поставлены заведомо контрафактные копии программ, права на которые принадлежали Корпорациям Гиперсофт, Риф, Адобс и Автотейбл. Компьютеры с контрафактными программами с неустановленного времени по 5 июля 2008 года использовались неосведомленными о его, Ставинского, преступном умысле сотрудниками ООО «Рекламные конструкции» без разрешения правообладателей.

5 июля 2008 года сотрудником ОЭБ Мервозединовым, Ставинскому было вручено уведомление об использовании контрафактного программного обеспечения и предложено принять меры по выявлению и устранению нарушения авторских прав в течение трех суток.

Игнорируя данное уведомление, Ставинский мерк к выявлению и прекращению противозаконной деятельности, связанной с незаконным использованием объектов авторского права, не принял. Контрафактное программное обеспечение с внутренних жестких дисков компьютеров не удалил. Указаний своим работникам о прекращении использования программного обеспечения не дал. А с целью дальнейшего извлечения прибыли, продолжил использовать контрафактное ПО в деятельности своей компании вплоть до 12 часов 10 июля 2008 года, когда сотрудниками ОЭБ его преступная деятельность была пресечена. В помещении офиса ООО «Рекламные конструкции» были обнаружены и изъяты жесткие диски с установленным на них контрафактным программным продуктом.

Согласно заключению эксперта лаборатории НИЦ «Институт деловых исследований» от 8 сентября 2008 года, на изъятых жестких дисках были установлены контрафактные программы общей стоимостью 516 тысяч рублей.

– Ну, прочитали, – ехидно поинтересовалась следователяша. – Поняли, что вам грозит, Ставинский?

– Как не понять, – вздохнул тот.

– Вину свою признавать будем?

– Не в чем мне признаваться, – взглянув на нее, растерянno выдохнул обвиняемый.

– А вы погодите выводы-то делать, посоветуйтесь со своими защитниками. Особенно с Гакаевым, – пренебрежительно глянув на меня, усмехнулась Бочкина. – Может, лучше все-таки признаться, а? Согласиться на особый порядок, получить свои три дня условно, и быть свободным, как великий китайский народ?

– Нет, – упрямо мотнул головой Ставинский, – я уже советовался и мне действительно не в чем признаваться. Я эти программы на компьютеры не ставил.

– Ну-ну, – угрожающе процедила представитель следствия. – Она вдруг перевела взгляд на меня и гаденько усмехнулась:

– Новый адвокат, значит. – Она немного помолчала. – А как вам, Ставинский, такой расклад. Новый адвокат и новая мера пресечения? А что, обвинение вам предъявлено по тяжкому составу, каяться вы не хотите. Думаю, что после вашего допроса я предложу своему начальству выйти в суд с ходатайством о заключении вас под стражу.

Валера побледнел и в растерянности посмотрел сначала на меня, а потом на Гакаева. Я смотрел на него невозмутимо, тогда как Рамазан с упреком качал головой, молчаливо давая понять, что в корне не согласен с позицией, занятой своим подзащитным с подачи выскочки Кравчука.

Наконец Ставинский принял решение.

– Ну что ж, под стражу, значит, под стражу.

– Посмотрите-ка, – окрысилась на него Бочкина, – прямо святой мученик, а не преступник. Хорошо, так и сделаем. – Она снова успокоилась и перешла к допросу обвиняемого.

Из показаний Ставинского следовало, что незадолго до визита в его офис оперативника Мервозеидинова, на электронную почту генерального директора ООО «Рекламные конструкции» пришло рекламное письмо от некоего ООО «Все работает». В письме предлагалось все заботы по обслуживанию компьютерной техники клиента взять на себя. При этом цены за услуги этой фирмы были на порядок ниже, чем у других компаний, занимавшихся оказанием аналогичных услуг. Валерий созвонился по указанному в письме телефону с директором фирмы «Все работает», Егоровым, и в тот же день они подписали договор.

Слушая Валерия, я нахмурился. Зачем он врет? Ведь мне он говорил, что договор со «Все работает» подписывала его сестра, когда сам он отсутствовал в городе. Видимо, брат решил выгородить сестру.

– Так вот, – продолжал обвиняемый, – поскольку наша фирма занимается изготовлением рекламных конструкций, у меня в штате компании состояли два дизайнера. Их фамилии Кирха и Половой. Именно на их компьютеры работники ООО «Все работает» и устанавливали все эти программы.

– То есть вы здесь не причем? – скептически поинтересовалась Бочкина.

– Абсолютно, – твердо произнес Валерий. – Больше того, у меня есть акты, подписанные тремя работниками «Все работает». Их фамилии Фуботников, Мишанкин и Дзюба. В этих актах указано, что именно этими людьми установлены программы. Я человек очень вьедливый, люблю порядок, чтобы все было разложено по полочкам. Поэтому каждый раз я не только просил их подписывать акты, но и указывать в них, что именно ими сделано.

Бочкина брезгливо поморщилась, как будто только что опрокинула в себя целую мензурку касторки.

– Кстати, – оживился Валерий, обращаясь к ней, – к переданному вам адвокатом Кравчуком ходатайству приложены эти акты.

– Я рассмотрю это ходатайство и приму решение, – как будто делая одолжение, сквозь зубы прошипела следователь.

С самого начала допроса, находясь в довольно неудобной позе, поскольку Бочкина отказала мне в просьбе писать за столом, я фиксировал все происходящее на бумаге. Видя хамское поведение капитана милиции, я поначалу хотел включить на запись свой диктофон, но передумал. Это могло еще больше осложнить отношения между сторонами обвинения и защиты. Впрочем, Гакаева, спокойно сидящего на диване, и думающего о чем-то своем, я к стороне защиты уже не причислял. Я твердо решил просить Валеру расторгнуть с Гакаевым соглашение, потому что толку от того не было никакого, а вреда он мог причинить много. Если Рамазан и вправду «засланный казачок», то о каждом нашем с Валерием шаге он будет докладывать противнику, что, разумеется, никак не могло устраивать ни Ставинского, ни меня.

– Когда к нам в офис пришел Мервозединов и показал мне уведомление, я, прочитав его, ничего не понял. Там было очень много ссылок на различные статьи Гражданского, Административного и Уголовного кодексов, но все – ни о чем. Я не понял даже сути этого документа, не понял, чего от меня хотят. Мервозединов сказал, что ничего не знает, и попросил расписаться в уведомлении, а со всеми вопросами обращаться к Карине Блинцовой, представителю корпораций. Я написал на уведомлении, что мне нужно больше времени, нежели трое суток и расписался. Потом позвонил Блинцовой в Европейское юридическое бюро, где она работала, но мне сказали, что она болеет. Номер ее мобильного телефона дать отказались. – Он задумался.

– Дальше, – потребовала Бочкина.

В это время дверь в кабинет открылась, и внутрь вошел невысокий худощавый мужчина лет сорока, с узким, вытянутым книзу, неприятным лицом. Одет он был в голубую рубашку с длинным рукавом и синие джинсы. По поведению Бочкиной я понял, что это был ее начальник. В руках он держал зажигалку и, не спеша, разминал сигарету.

Он подошел к столу, неприязненно посмотрел на меня, и мотнув головой в мою сторону, спросил у подчиненной:

– Это новый адвокат?

– Так точно, Федор Степанович, – подобострастно глянула на него та.

– Ну и как у нас дела? Вину свою признает? – Незнакомец фамильярно положил руку на плечо Ставинского, и вдруг осатанело на него вызверился:

– Вину свою, спрашиваю, признаешь?

Валерий от неожиданности чуть не подпрыгнул на месте и снова побледнел:

– Нет, – через силу выдавил он, немного подавшись вперед, и наклонив голову, словно в ожидании подзатыльника.

– Ничего, у нас признаешь, – снова сменив голос на обычный, с угрозой процедил незнакомец. – Готовь на него в суд ходатайство о заключении под стражу, – обратился он к Бочкиной.

– Есть! – радостно воскликнула та, переведя торжествующий взгляд на меня.

– Давай, заканчивай, и ко мне, – сказал ей напоследок начальник и, продолжая разминать сигарету, вышел.

– Продолжайте, – сварливо, но уже без угрозы в голосе потребовала Бочкина от Ставинского.

– После звонка в Европейское юридическое бюро я позвонил Егорову, директору фирмы «Все работает», и сообщил о визите оперативника. Тот сказал, чтобы я ни о чем не волновался. Егоров приехал к нам и заверил меня, что все утрясет. Он попросил у меня на решение вопроса с Мервозединовым сто тысяч рублей.

– И вы их ему передали, – напряглась капитан милиции.

«Что он делает? Хочет, чтобы его еще обвинили в даче взятки через посредника?» Я незаметно толкнул Ставинского в бок, и округлил глаза, давая понять, что продолжать в том же духе не следует.

– Н-нет, – замялся в растерянности Валерий.

– И не хотели? – ехидно осведомилась Бочкина.

– И не думал, – наконец пришел в себя тот. – Я отказал Егорову и сразу уехал в командировку в Брянск, там у нас производство. Я должен был возвращаться девятого или десятого числа и по приезду решил все проверить, но попросту не успел. Десятого в офис уже нагрянули оперативники и изъяли серверы.

Допрос обвиняемого продолжался еще полчаса, после чего Бочкина, как ни в чем не бывало, избрала ему в качестве меры пресечения подписку о невыезде. Ни о каком заключении под стражу речи больше не шло, из чего я сделал вывод, что Валерия просто пытаются запугать, чтобы добиться признания вины. Тактика, в общем, традиционная. Вот только напрягала непонятная агрессия со стороны следователя и ее начальника, явно несоизмеримая предъяв-

ленному Ставинскому обвинению. Ведь не в убийстве же он обвинялся, да и открытые нападки на адвоката были мне совсем непонятны. Если есть доказательства вины человека, то следователю, в общем-то, должно быть наплевать на то признает тот свою вину или нет. В последнем случае самому же преступнику будет хуже. Что-то за всем этим крылось, были задеты чьи-то интересы, у дела имелась какая-то неведомая мне пока подоплека. И в этом обязательно нужно было разобраться.

Глава пятая

25 января 2010 года, понедельник.

Мои воспоминания прервал звонок видеодомофона, это приехал Береговой. Я закончил просмотр записи с видеорегистратора, который был установлен на моем автомобиле в момент убийства Ставинского, и отсоединил его от своего компьютера. На нем не было абсолютно ничего, что могло бы иметь отношение к этому делу.

Алексей, несмотря на то, что уже был поздний вечер, был бодр, полон энергии и находился в хорошем настроении.

– Пробки, Вась, с ума сойти. Полтора часа к тебе ехал и это еще не предел, – звучным басом протрубил Береговой, – мог бы и дольше стоять. – Гость повесил свою дубленку на вешалку, стоявшую в прихожей, и по моему приглашению отправился на экскурсию по офису. Довольно просторный круглый холл, с левой стороны, разделенные стеной, расположены два кабинета, с полами, покрытыми такой же, как в холле, паркетной доской. Далее по часовой стрелке ванная комната, туалет и кухня, которая, помимо кухонного гарнитура, большого деревянного стола и стульев, была укомплектована стиральной и посудомоечной машинами. Во всех помещениях чувствовался запах недавно сделанного ремонта.

Мы прошли в мой кабинет. Береговой сразу же бросил свое могучее тело, в котором по моим наблюдениям было никак не меньше ста двадцати килограммов, на удобный кожаный диванчик, стоявший у стены. Я устроился в своем кресле за столом.

– А ты ничего тут, смотрю, устроился, молоток, – одобрительно глянул на меня гость. – Ну, давай, рассказывай, чего ты мне хотел поведать?

– Э нет, так дело не пойдет, – я обиженно поджал губы, – давай-ка лучше ты рассказывай, что удалось нарыть по этому делу.

– Ок, – не стал спорить Алексей. – Значит так, – он подал корпус вперед, глядя на меня, – запись с камеры над входом в театр здесь. – Он порылся в кармане джинсов, вытащил оттуда флеш-карту и, чтобы не вставать с места, аккуратно кинул ее мне на стол.

Я взял флешку и вставил ее в специальное гнездо на системном блоке компьютера.

– План «Перехват» ничего не дал. Машина, белая «Лада-приора», на которой приехал киллер, была обнаружена недалеко от станции метро «Войковская». Ни отпечатков пальцев, ни других следов в ней не обнаружено, хотя эксперты облазили там все вдоль и поперек...

Слушая товарища, я включил видеозапись и стал внимательно ее просматривать.

– Пистолет нашли на месте. С ним были обнаружены и изъяты три гильзы.

– Что за пистолет? – поинтересовался я, не отвлекаясь от просмотра записи.

– «ПМ». Но пистолет этот с историей оказался.

– Что за история? – заинтригованно посмотрел я на него.

– Наши эксперты пробили его по базе. Оказалось, что ствол этот то ли был похищен, то ли просто пропал в ноябре девяносто шестого года, в городе Каспийск. Это в Дагестане, рядом с Махачкалой. Помнишь, самый первый взрыв дома был? Там еще погранцов много погибло вместе с семьями. Дело, кстати, так и осталось нераскрытым.

– Помню, и что? Так похищен он был или пропал?

– Не знаю, Вась, мы сейчас это выясняем. Я тебе рассказываю, что узнать удалось, – недовольно поморщился Береговой. – В общем, все вроде бы свидетельствует о том, что киллер – профессионал...

Слушая друга, я внимательно вглядывался в экран монитора, где в это время появился предполагаемый стрелок. Вот он идет навстречу Ставинскому. В объективе только его спина. Вот выхватывает из кармана зеленой куртки «Аляски» пистолет, беззвучно стреляет в Валерию, разворачивается. Его лицо прикрывает капюшон, но что-то во внешности стрелка мне показалось знакомым. Я уже где-то видел этого человека. Но где? А может, просто показалось?

Я перекрутил видеозапись назад и снова стал внимательно вглядываться в экран. Лица не видно, куртка, капюшон, перчатки, джинсы, ботинки. Что же такого знакомого в его облике?.. И тут меня осенило. Походка! Ну, конечно, странная подпрыгивающая походка. Где-то совсем недавно я видел человека именно с такой походкой. Но где?

Я задумался. Обычно такая походка свойственна женщинам, у которых из-за слишком частого хождения в туфлях на высоком каблуке, бывают сильно напряжены икры ног. Но человек, стрелявший в Ставинского, явно не относился к слабому полу. Тогда что?

Продолжая слушать Берегового, я вбил в поисковую строку Яндекса запрос: «подпрыгивающая походка свидетельствует». Через несколько минут у меня уже имелось некоторое представление о причинах наличия у человека такой походки. Если не считать упомянутую привычку женщин ходить на высоких каблуках, главных причин было всего три. Разность в длине ног, продольное плоскостопие и довольно редкое заболевание – облитерирующий эндартериит.

– Леш, – с волнением перебил я друга, – а тебе не кажется странной походка этого киллера?

Береговой нехотя поднялся с насиженного места, и, подойдя ко мне, склонился над экраном монитора.

– Я уже об этом думал, – в раздумье протянул он. – Видимо, у него разной длины ноги.

– Не только это может быть причиной, – возразил ему я. – Вот, посмотри, что пишут в Интернете.

Я показал другу статьи, в которых описывались причины подобной походки.

– Ну, смотри, Вась, – азартно стал рассуждать Береговой. – Если у него плоскостопие, то, скорее всего, оно врожденное. А раз так, значит, киллер наверняка в армии не служил. Ты не хуже меня знаешь, что с плоскостопием у нас служить не берут.

– А вот и нет, – с загоревшимися глазами так же азартно возразил я. – Вот, смотри, в этой статье указано, что плоскостопие бывает не только врожденным, но и приобретенным.

– Вась, с тобой не интересно, – в шутку обиделся друг. – А может, у него от рождения просто такая походка?

– Нет, – уверенно покачал я головой. – скорее всего это не плоскостопие и не разница в длине ног. Слишком уж привычно стрелок обращается с оружием. Это либо военный, либо мент. Нужно будет получить консультацию врача по поводу этого заболевания.

– Хорошо, получим, – кивнул Береговой. – Какие еще мысли?

– Понимаешь, у меня такое ощущение, что я недавно видел человека точно с такой же подпрыгивающей походкой. Но где именно, сейчас вспомнить не могу.

Наблюдая за отобразившимся на моем лице мыслительным процессом, Алексей некоторое время молчал. Вдруг я вспомню. Но, убедившись, что мои попытки тщетны, он сказал:

– Ладно, Вась, не парься, а то еще мозг взорвется. Вспомнишь потом. Помнишь, как нас в Университете на судебной медицине учили? Если человек не может что-то вспомнить, то это в цепочке молекул его мозга где-то произошел сбой. – Он хитро посмотрел на меня. – Надеюсь, что ты его скоро ликвидируешь.

– Ты прав, – огорченно махнул я рукой. – Может, вспомню. А может, и человека этого снова увижу.

- Что ты хотел мне рассказать? – спросил Береговой.
- Да тут с этим Ставинским такая история приключилась.
- Я рассказал другу об уголовном деле, которое велось в отношении моего подзащитного.
- А сегодня, перед заседанием суда, прокурорша попросила меня согласиться с тем, чтобы это дело было отправлено на новое расследование. И от имени прокурора округа обещала, что на следствии его похерят. Да и следак звонил. То же самое говорил.
- Интересно, – задумчиво пробормотал Береговой.
- Понимаешь, Леш, продолжал я, – мне кажется, что заказчику этого убийства важно было не допустить оправдания Ставинского. Или даже прекращения его дела на следствии.
- Почему? – с интересом поинтересовался Алексей.
- У меня есть на этот счет одна версия, которую мы возьмем за основную рабочую. Я тебе рассказал еще не все. Слушай дальше...

***

10 октября 2008 года, пятница.

В кабинете следователя Бочкиной было накурено, хоть топор вешай. Хозяйка смолила одну сигарету за другой. Нервная она сегодня какая-то, дерганая. Мы со Ставинским были приглашены на очную ставку со свидетелем обвинения Егоровым, Генеральным директором ООО «Все работает».

Он сидел на стуле лицом к Ставинскому, я расположился на диване. Гакаева сегодня не будет. Его вообще больше не будет в этом деле. Расторг Валера с ним соглашение и правильно сделал. Хотя, время покажет. Кроме нас троих и следователя в кабинете больше никого не было.

Егоров нервно закинул ногу на ногу. Зачуханный он какой-то, хотя и молодой еще, на вид нет еще и тридцати. Взгляд мечется, руки подрагивают. Худой, сморщенный, прибитый жизнью. Ни за что не скажешь, что этот человек руководит серьезной фирмой по ремонту и обслуживанию компьютеров. Короткая черная куртка на нем, синие брюки, заляпанные внизу грязью, боты какие-то стремные, типа говнодавов.

– Известно ли вам, кто именно осуществил установку контрафактного программного обеспечения на рабочие компьютеры ООО «Рекламные конструкции»? – задала ему вопрос следователь.

– Нет, я не в курсе, – слабым голосом пискнул свидетель, втянув голову в плечи.

– Ранее вы поясняли, что Фуботников является вашим знакомым. Вы подтверждаете эти свои показания?

– Да, – кивнул Егоров, – однако хочу уточнить, что все общение с этим человеком у меня происходило только через Интернет.

– Как вы поясните тот факт, что Фуботников в 2008 году, согласно журналу регистрации посетителей ООО ЧОП «Чибис», неоднократно посещал офис ООО «Рекламные конструкции»?

– Никак не могу объяснить, – понуро выдохнул лжец, съежившись, словно в ожидании удара.

Сказать, что я был удивлен, значит не сказать ничего. И чем дальше продвигался допрос руководителя фирмы с таким звучным названием, тем больше это удивление усиливалось.

Когда Бочкина предъявила допрашиваемому акты выполненных работ, согласно которым сотрудники ООО «Все работает» Фуботников, Дзюба и Мишанкин производили в офисе «Рекламных конструкций» установку программ, Егоров вдруг заявил, что в штате его фирмы состоит и всегда состоял только один человек. Он сам. Также из показаний Егорова следовало, что он был в одном лице генеральным директором, главным бухгалтером и единственным

работником фирмы, которая принадлежала ему лично. Никого из перечисленных лиц он не знал, и что эти люди делали в помещениях ООО «Рекламные конструкции» ему неизвестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.